

раскрывая социально-экономический контекст инфляции, помогает увидеть эту проблему в ее истинном масштабе. Она отрезвляет от монетаристских иллюзий, сводящих борьбу с инфляцией к

набору технических операций по регулированию денежной массы. Это все равно, что от черно-белого изображения перейти к цветному объемному.

Пчелинцев О.С.

© 1994 г.

РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Интервью писателя П. Межирицкого с профессором Пенсильванского университета А. Каценелинбойгеном. Филадельфия. 1993. – 173 с.

Имя профессора А. Каценелинбойгена хорошо известно по крайней мере старшему поколению читателей ЭММ. Он работал в ЦЭМИ с первого дня основания института. Его статьи неоднократно публиковались на страницах нашего журнала. Однако с того момента, когда А. Каценелинбойген стал филадельфийским профессором, для российского читателя он как бы перестал существовать. Ни одна из его работ, вышедших в США, не была издана у нас в стране. Мы делаем первую попытку познакомить читателей с его взглядами на современное социально-экономическое положение России, оценкой происходящих в ней перемен. Интервью, в котором эти взгляды изложены, было взято в марте 1993 г.

В анализе А. Каценелинбойгена экономические проблемы так тесно переплетены не только с социальными и политическими, но и с военно-историческими, что аспекты эти становятся неразделимыми.

Происшедшее недавно и происходящее в России сейчас есть продолжение ее истории – вот исходная точка, с которой начинает А. Каценелинбойген. Основными, характерными для русской истории, факторами он считает следующие. Во-первых, авторитарный режим, длившийся 700 лет, начиная с Ивана Калиты, и прерванный лишь на короткий период – от февраля до октября 1917 г. Во-вторых, – империя. В истории России были периоды, когда она уступала территории, но затем опять их отбирала. Сегодняшняя ситуация тоже не уникальна. Во время гражданской войны страна раскололась на Украину, Дальне-Восточную республику, Сибирь, Урал и т.д., вплоть до Калужской республики. Но затем – и вскоре – империя была воссоздана. А. Каценелинбойген говорит: свидетелями чего мы являемся? Кардинального изменения в русской истории, в русской традиции или это лавирование, после которого все будет возвращено на круги своя. Авторитарный режим и империя всегда удерживались и расширялись крайними методами: жестким и гибким. Иван Грозный, Петр, Сталин расширяли власть и империю жесточайшими путями. Но были властители, которые пользовались очень гибкими методами.

В связи с этим А. Каценелинбойген поставил для себя вопрос: "Горбачев – это человек, ломающий имперскую традицию, или политик, гибкими методами спасающий хотя бы ядро империи?" И уверенно ответил: "это была попытка гибкими методами удержать авторитарный имперский режим".

А то, что спасти империю было необходимо, подчеркивает А. Каценелинбойген, стало известно задолго до Горбачева. Еще в 1971 г. в Академии наук под руководством А.И. Анчишкина был составлен план развития народного хозяйства на 20 лет, который вскрывал страшное: при условии дальнейшего развития экстенсивным путем в рамках существующих организационных форм не только не может быть речи о том, чтобы догнать Америку, но к 1990-м годам разрыв еще более увеличится. Было предсказано также падение производства в 1980-е годы. План произвел впечатление разорвавшейся бомбы... Но был отвергнут как дискредитирующей систему идеологически. Власти пошли легким путем – решили пожить спокойно за счет закупок передовых технологий и необходимых продуктов на Западе, благо пока "был жирок в хозяйстве". С приходом в США к власти рейгановской администрации усилилась гонка вооружений, которую СССР уже не смог выдержать, действуя традиционно. Гибкие методы, которые выбрал Горбачев, – это развязывание инициативы народа, снятие монополии коммунистической партии, отмена плановой системы, создание рынка, фермерство и т.п. Хотели одним махом, одним рывком "распустить" экономическую систему и отдать стихии рынка всю площадь ее жизнедеятельности в расчете на быстрое и благотворное обновление экономики. Вспомним программу "500 дней", шоковую терапию Гайдара и т.п.

Почему такой, казалось бы, естественный путь, который поддерживался всей либерально настроенной общественностью, требовавшей еще более быстрых и радикальных реформ, оказался тупиковым в условиях России?

А. Каценелинбойген считает, что экономику России нельзя сравнивать ни с одной цивилизованной экономикой. "Советский Союз, – говорит он, – это страна, в которой все было подчинено войне. Это –

полностью военное общество с полностью военной экономикой". Иными словами, в отличие от других, это — не экономика с высокой военной нагрузкой, а чисто военная, своеобразным побочным результатом которой являлась мирная продукция. А. Каценелинбойген привел ряд ярких примеров. Вот хотя бы производство тяжелых гусеничных тракторов — родных братьев танков. Отсутствие запчастей к ним — следствие того, что танк или тягач предназначен служить на войне 1–3 месяца. Не нужны ни детали, ни товары длительного срока службы, высокого качества.

Особенно разоряла страну, полагает А. Каценелинбойген, гонка косвенных военных расходов, выразившаяся в росте производства стали, угля, нефти, тяжелого металлорежущего оборудования, — всего того, что составляет сердцевину тяжелой индустрии, ядро военного потенциала. Советская политическая и хозяйственно-экономическая система — это не наваждение, не бред сумасшедшего администратора, а органически присущая военной экономике государственная структура. Поэтому, чтобы создать условия для рынка, необходимо было тщательно разработать вначале программу перехода от военного производства к мирному. Тем более, что тогда еще существовали аппарат, руководящая структура, способная решать сложные вопросы, и понимание, что вопросы назрели. После этого можно было бы строить рыночные отношения, и они начали бы работать.

Кроме того, российские реформаторы оставили в стороне социальные вопросы, не исследовали этот аспект последствий перехода к рынку такой громоздкой и неповоротливой системы. А. Каценелинбойген, беседуя с ведущими советскими деятелями, которые занимались переводом экономики на рынок, был поражен, что они даже не задумывались о социальных последствиях этого процесса. В переходные периоды экономические проблемы не должны решаться в отрыве от социальных, политических, идеологических, иначе результаты могут быть ужасны.

Безработица, как считает А. Каценелинбойген, может резко возрасти, если страны бывшего СССР пойдут в сторону, к которой их активно подталкивает Запад, — к приватизации. "Если какой-нибудь приватизированный гигантский металлургический комбинат завтра выходит на рынок, кому нужна его сталь? И что ждет его рабочих? — Безработица!" — говорит он. Увеличение числа безработных угрожает дестабилизировать и без того критическую политическую ситуацию. Они пополняют ряды недовольных — насильно демобилизованных офицеров, беженцев из бывших республик. Их недовольство легче всего будет использовано русскими националистами, привлекающими отчаявшихся людей простотой своих лозунгов.

Вывод делается однозначный: толкать сегодня Россию к рынку, учитывая ее отягощенность военной экономикой, сложность политической ситуации и

полную социальную неподготовленность всех этих скоропалительных перемен, очень неосмотрительно.

Хотя профессора А. Каценелинбойгена никак нельзя заподозрить в консерватизме, эти слова звучат диссонансом по отношению к тем требованиям, которые предъявляют правительству как западные специалисты, так и наши реформаторы. Что касается первых, имеющих дело с бывшими советскими республиками, то, по словам Каценелинбойгена, ни один из них не сознает, что такое полностью военизированная экономика и что значит перевод ее на мирные рельсы. Российские же реформаторы ищут причины своих неудач в том, что им не позволяли действовать без помех, связывали руки и т.п. Создается впечатление, что их не беспокоит реальность и действуют они в каком-то гипотетическом пространстве.

Возьмем, к примеру, конверсию. А. Каценелинбойген по этому поводу говорит: "Переход (к рынку) начинается с оживленных разговоров о конверсии. Но о конверсии чего? Танковых заводов? Так их в мирное время в СССР, кажется, вообще не было". Танки выпускали специальные цеха тракторных и вагоностроительных заводов. Как раз для перестройки производства нынешних конструкций тракторов на те, которые нужны сельскому хозяйству, потребуются длительное время и огромные усилия. Ведь это перестройка и металлургии, и производства комплектующих деталей, и строительство бензоколонок, дорог. "О конверсии чего же идет речь? — восклицает А. Каценелинбойген. — Всего образа жизни? И это в то время, когда все советское общество было милитаризовано насильно! Здесь нужна хорошо продуманная программа".

А. Каценелинбойген не дает рецептов дальнейшего преобразования экономики России. Он понимает, что многое зависит от политической ситуации. Для успешного развития страны в переломные периоды истории было хорошо, отмечает он, когда власть своевременно перехватывала страта, державшая самые дефицитные для того времени ресурсы, определявшие развитие страны. Для защиты этой страты воздвигалась удобная для нее политическая структура. Постепенно в политический процесс вовлекались все большие массы населения, социальные механизмы усложнялись. Такие страны достигали успеха. Так в Англии после Кромвеля шло становление развитой политической структуры в интересах буржуазной страты.

Страта, которая несет сегодня самый дефицитный ресурс — социальные и научно-технические идеи, говорит А. Каценелинбойген, это творческая интеллигенция. В России представители творческой интеллигенции даже были привлечены к власти, но, к сожалению, у них не было конструктивных предложений, кроме либеральных советов, основанных на здравом смысле: провести демократизацию, ликвидировать компартию, разогнать плановые органы и заменить их рынком, ликвидировать колхозы и передать землю крестьянам, и т.п. Однако появи-

лись серьезные неприятности – значительная потеря власти центральным правительством, угроза распада России, резкое усиление правых сил вследствие вседозволенности, резкое снижение уровня жизни, инфляция и т.п. В результате – падение популярности демократов. На этом витке истории творческая интеллигенция не сумела использовать ситуацию для того, чтобы обрести власть, так как не имела нетривиальной программы выхода России из традиционного режима.

И все же профессор А. Каценелинбойген верит в то, что будущее России можно связать с реформами,

направленными на развитие страты творческой интеллигенции. Все большие массы окажутся вовлеченными в развитие этой страты, и в этом процессе будет крепнуть как сама страта, так и страна.

С изложенными взглядами А. Каценелинбойгена можно соглашаться или отвергать их; в любом случае они не оставляют читателя равнодушным, побуждают думать, может быть, спорить, а это самое важное в науке.

Олевская Е.М.